

А
Проф. В. В. ГУМАН.

№ 1586-40
Мил
38

РУБКИ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ (1914—1924 г.)

и возобновление вырубок и гарей.

15147

48

ИЗДАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА.

Ленинград, 1926 г.

Введение.

Еще в конце XIX века и далее, в начале XX в русской лесной литературе появляется ряд статей, выражающих явное беспокойство наиболее чутких лесоводов о судьбе русского леса.

Возникает вопрос „о будущности сосняка“, „о судьбе русских дубрав“, „о будущности ельников“, возбуждается вопрос вообще „о будущем лесов Севера в связи с применяемыми способами рубок“. Печатаются ряд статей по другим лесоводственным вопросам, в которых затрагивается будущее русского леса в связи с произведенными рубками. Собираются съезды лесоводов, где специально обсуждаются вопросы возобновления леса. Все это указывает, что до великой империалистической войны русское лесное хозяйство, даже наиболее устойчивое—казенное, не давало лесоводам уверенности в том, что распространенные методы хозяйства обеспечат вырубаемые площади тем лесом, который желательно иметь на месте вырубок. Наоборот, выражалось определенное мнение и подтверждалось данными, что прежнего леса взамен вырубленного не будет. Ожидалась или смена пород и всегда при этом появление менее ценных пород, или ухудшение роста насаждений, или появление порослевых низкоствольников, или вместо леса высоких технических качеств, заростание лесом более низких, или, наконец, пространства, занятые лесом, вовсе не возобновлялись им, а переходили в луга, болота, в сыпучие пески в зависимости от условий произрастания и последующих хозяйственных мероприятий. Словом, создавались условия заставлявшие лесовода серьезно задуматься о будущем нашего леса.

1. Рубки леса.

Однако, особенно тяжела была для русского леса великая империалистическая война и, далее, революция и последовавшие за ней хозяйственные меры.

Рубки военного времени. Правда, в первые годы войны (1914-1915), когда еще не были исчерпаны запасы топлива и лесных материалов, наблюдалось некоторое понижение спроса на отпускаемый лес и нередко лесосеки, частью уже оплощенные, оставались неразработанными. В особенности это касается Севера и районов с лесом, удаленным от водных и железнодорожных путей сообщения.

Однако уже в конце 1915 года начинает чувствоваться недостаток топлива в городах и, в особенности, на железных дорогах прифронтовой полосы. На Совещании представителей дорог фронта выясняется, что поддерживать усиленное движение поездов по этим дорогам невозможно из-за недостатка топлива.

Единственной мерой, дававшей выход из создавшегося положения, было, по мнению Совещания, организовать при управлениях железных дорог в широком размере самозаготовки, создав при этом особое учреждение, которое взяло бы на себя регулирование деятельности Управлений железных дорог и дополнительное снабжение их топливом, шпалами и лесными материалами. Причем для более успешной работы этим новым организациям по разработке леса предоставляются чрезвычайно широкие права, не исключая и права реквизиции лесных дач и древесных материалов, так как работы велись преимущественно в прифронтовой и прилегающей к ней полосе.

Этот момент и явился первым, но весьма серьезным толчком, пробившим брешь в прежнем консервативном лесном хозяйстве и заставившем дать иную оценку лесу в общей экономике страны.

9 февраля 1916 года утверждается „Положение о заготовках дров и лесных материалов для железных дорог“, причем для исполнения этих заготовок и для руководства работами железных дорог создается особое учреждение: „Полевое Строительное Управление“.

Во главе этой организации по лесным разработкам был поставлен инженер, на железных дорогах во главе аналогичных организаций также не было специалистов лесоводов. Это и не замедлило сказаться в смысле характера рубок. Рубки производились, или выборочные, или сплошные, причем принимались все меры, чтобы сосредоточить рубки в нескольких кварталах подряд. В качестве принципа при организации работ считалось наиболее целесообразным концентрировать рубки в одном месте, добывая массами привозных рабочих, строя бараки и даже лагеря. Это бы еще можно оправдать при применении

иных принципов лесоустройства, или при условии механизации работ, но последнего не наблюдалось.

Следующим большим злом рубок военного времени было то, что производились они, большей частью, городскими рабочими и даже ремесленниками, никогда раньше не работавшими в лесу. Большинство из них пошло на эти работы, спасаясь от воинской повинности. Еще хуже работали военнопленные и законтрактованные китайцы (последние, правда, потом научились). Но самыми худшими рабочими были киргизы, калмыки и сарты, присланные из степей и полупустынь, часто ранее не видавшие вовсе леса. Неудивительно были поэтому нормы выработки: 22—24 рабочих дня для заготовки кубической сажени дров. Также много вреда было причинено лесу неумелой рубкой и невнимательным отношением к очистке лесосек. Во многих участках можно было видеть пни высотой 1—1½ метра, часто еще расщепленные, не гладко срубленные, плохо спиленные. Но все-таки рубки для железных дорог регулировались известными правилами.

Все, что можно было для леса нашей страны в такой опасный период в прифронтной полосе изданная „Инструкция Начальникам районов о мерах, кои необходимо принимать в видах обеспечения естественного лесовозобновления вырубаемых Полевым Строительным Управлением лесных площадей“ старается применить. § 1 Инструкции требует оставления на сплошных лесосеках семенников в количестве 40 штук на десятину всех пород, за исключением ели; разумеется, точное применение этого пункта привело к оставлению в качестве семенников пораженной гнилью осины, сламливаемой ветром и дающей весьма обильные корневые отпрыски той же большой осины, березы, часто столь быстро поваливаемой ветром, как и ель. Далее говорится о сохранении подроста, оставлении редий, правильной валке леса, тщательной очистке лесосек; Инструкция рекомендует сплошные рубки только с непосредственным примыканием для всех пород, запрещая кулисные и чересполосные рубки даже для сосны. В общем, Инструкция составлена не в противоречии с лесоводственными принципами и, если бы она в полной мере соблюдалась, то лес был бы обеспечен хорошими молодняками на значительных площадях.

Одновременно с этим, воинскими частями велись рубки и на непосредственные нужды фронта. Здесь уже конечно лесоводственных правил не соблюдалось, хотя указанная Инструкция и была преподана начальником фронтов для фронтной полосы. Тот хаос в лесном хозяйстве фронтной полосы именно и является следствием этих рубок.

Еще должны быть отмечены и собственно неприятельские рубки на нашей территории, но о последних мы мало знаем, так как весь этот район находится вне СССР.

Подлежат упоминанию и те повреждения леса, которые являются следствием собственно боев и которые часто уродовали лес на боль-

шом протяжении. Эти повреждения выражались в сорванных вершинах и частях ствола, в разломанных и растреснутых деревьях, в вывороченных с корнями и поваленных деревьях, в выгоревших участках леса и пр.

Параллельно с заготовками военного характера и для железных дорог, ведутся заготовки, как бы гражданские под руководством Особого Совещания по Топливу (Осотоп) местными его органами, лесным ведомством через лесничих на отводимых очередных, а в некоторых местах, внеочередных лесосеках.

В первый же год, или вернее часть года, возложенное задание на заготовительные органы не выполняется, но производятся зарубы на лесосеках, с избытком превышающих задание и работы продолжают на следующий год при увеличенном задании.

Осенью 1917 года подводятся итоги работы учреждений, призванных для обеспечения фронтных дорог топливом и лесными материалами. Выясняется, что наиболее крупное из этих учреждений Полевое Строительное Управление заготовило 444.000 куб. саж. дров, 10 управлений дорог 276.000 куб. саж., лесное ведомство 59.000 и другие учреждения 42.000, а всего 821.000 куб. саж. дров. Шпал П. С. У-м было заготовлено 2.842.000, дорогами 2.100.000, а всего 4.942.000 шт., или примерно 110.000 куб. саж. древесины. Бревен, телеграфных столбов, переводных брусьев, пиленого материала 360.000 куб. саж. Таким образом в первый год работы в прифронтной полосе вырублено огромное количество древесины, из которой было вывезено 821.000 куб. саж. дров и 470.000 куб. саж. деловой древесины, а всего 1.291.000 куб. саж. и это только для нужд железных дорог прифронтной полосы. На следующий год задание определяется для нужд железных дорог в 2.172.000 куб. саж. дров и около 200.000 куб. саж. материального леса. Весьма интересно, что для заготовки дров при расчете рабочей силы принято 12 дней на куб дров.

К счастью для русского леса все эти предположения не могли быть осуществлены, да и не было в этом никакой надобности, так как вся почти прифронтная полоса была занята неприятелем. Этим примерно и заканчивается первый период несчастного для русского леса десятилетия.

Рубки революционного периода. Одновременно с концом описанного периода начались и рубки революционного времени.

Земледелец, ответный враг леса в лесистой части нашей страны, получил возможность безвозмездно рубить лес.

Разные мотивы были положены в основу, — было желание запастись древесиной на постройки и отопление, пользовались случаем, расширяя лес, расширить площадь сельскохозяйственных угодий, иногда же просто хотелось заработать, вывозя лес на продажу, были намерения и другие мотивы, но результат был один — лес в некоторых местах был приведен в совершенно нехозяйственное состояние. Были при этом и сплошные рубки небольшими участками, выру-